

К. В. Тревер

**К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ
(доклад на XXV
Международном
конгрессе востоковедов)**

ОДНИМ из трех основных народов, населявших Закавказье в древности, были наравне с армянами и иберами кавказские албаны, одни из предков народов закавказского Азербайджана и южного горного Дагестана. Изучение исторического прошлого Кавказской Албании на основании письменных и археологических источников, освещающих, правда, очень неравномерно ход ее исторической жизни, восполняет тем не менее общую картину сложения исторических судеб народов Закавказья, выявляет их взаимное культурное воздействие и позволяет судить о специфических особенностях развития культуры Кавказской Албании в период от IV в. до н. э. и до начала VIII в.

Происхождение названия “Албания” [в передаче греческих и латинских авторов (и “Алванк” в армянской передаче)] до сих пор окончательно не установлено. Принимая во внимание, что это же название носит страна на Балканах, что этот же термин имеется в топонимике Италии и Шотландии, довольно убедительным представляется предположение Н. Я. Марра, что “Албания”, как и “Дагестан”, означает “страна гор”. Но допустимо и другое предположение, именно что греки и римляне придавали названием “Албания” близкое к их языкам звучание местному самоназванию — “Аран”, восходящему к имени легендарного предка (Моисей Каланкатвази). Это предположение подтверждается, как мне кажется, и тем фактом, что в надписях царя Шапура и жреца Картира (III в. н. э.) на Кааба-и Зардушт в Накш-и Рустаме слову “Албания” в греческой версии соответствуют в парфянском тексте и в парсик слово “Аран”. Как известно, это же название, в форме “Арран” носит страна со времени завоевания ее арабами.

Географические рамки Кавказской Албании, претерпевавшие изменения в ходе исторического процесса, по-разному определя-

лись исследователями. Одни включали в пределы Албании не только весь Дагестан но и Северный Кавказ (Клапрот, 1814). другие суживали ее пределы областями Шаке и Ширван (Яновский, 1846, Крымский, 1934), иные отодвигали северные границы до р. Сулак (Юшков, 1937), Археологические данные, приходящие в настоящее время на помощь историку, не позволяют относить северные пределы Албании (начиная с I в. н. э.) к району севернее Дербентской области, — точка зрения, которой придерживался Бартольд (1925 г.). Западными границами Албании являлась восточная Кахетия, южными — до III в. р. Кура, а затем с III—IV вв. — р. Аракс; на востоке — Каспийское море.

Литература, посвященная истории Кавказской Албании, очень невелика и исчисляется несколькими статьями (Крузе, Яновский, Дорн, Бартольд, Крымский, Юшков, Шанидзе, Еремян). За последнее время в связи с раскопками в Мингечауре на Куре историками и археологами Азербайджана также опубликовано множество статей, посвященных отдельным вопросам (Ваидов, Джафар-заде, Казиев, Левиатов, Пахомов, Ямпольский, Голубкина, Ионе, Асланов, Исми-заде, Ахмедов и др.). Из зарубежных историков, в трудах которых освещается прошлое Кавказской Албании, следует назвать Томашека, Маркварта, Минорского и за последнее время Даусетта. В 1959 г. в издании Академии наук СССР вышла моя книга "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании".

Сведения, почерпнутые из письменных источников, при сопоставлении их с археологическими данными позволили мне наметить три основных этапа в развитии культуры Албании: первый — IV — II вв. до н. э.; второй — I в. до н.э. — III в. н. э.; третий — IV — VII вв. н. э.

Основным письменным источником для первого периода является География Страбона, в которой использованы как материалы Феофана Митиленского (I в. до н. э.), сопровождавшего Помпея во время его похода на Кавказ, так и отчет селевкидского полководца Патрокла (III в. до н. э.), исследователя западного побережья Каспия. Использование этих разновременных источников, в которых речь идет об обитателях как равнинной Албании, так и отдаленных горных селений, и привело Страбона к обобщению вопроса об общественном строе и уровне культуры албанов,

в результате чего приписываемый Страбоном населению этой страны примитивизм не выдерживает критики при освещении этого периода данными археологии.

Судя по тому, что в первой половине I в. до н. э. албаны управлялись уже одним царем, сложение у них зачатков государственности может быть отнесено к IV — III вв. до н. э., т. е. к тому времени, когда они впервые упоминаются в письменных источниках (сообщение Арриана об участии албанов в войске Дария в битве при Гавгамеле). Отдаленность Албании от больших торговых путей и крупных культурных центров Передней и Малой Азии, а также соседство и с северокавказской кочевой степью и с горами Кавказского хребта не создавали возможности для достижения того уровня экономики, который наблюдается в соседних Армении и Иберии, чем и объясняется замедленность в процессе разложения первобытнообщинного строя.

По словам Страбона, албанская народность образовалась из 26 племен; каждое из них имело некогда своего царя и свой язык. Совместная оборона против кочевников и враждебных племен, совместное производство ирригационных работ, следы которых обнаружены на территории Азербайджана, привели эти племена к объединению, возглавленному племенем албанов, коренной территорией которых являлось среднее и нижнее течение Куры (главным образом левобережье, хотя по Страбону и правобережье, т. е. Каспиана, тоже входило в состав Албанского царства). Античные источники сохранили названия еще нескольких племен, входивших в албанский союз, — утии, гаргары, леги, сильвы, дидуры и др. Оставляя в стороне сложный и не вполне еще выясненный вопрос о географическом расселении этих племен, укажу, что в настоящее время на территории Автаранской равнины два селения — Нидж и Варташен (в Нухинском районе) населены маленькой народностью — удинами, говорящими на своем удинском языке и являющимися, по всей вероятности, потомками тех утиев, или удин, которые упоминаются у Плиния и Птолемея. Среди племен, образовавших албанский союз, были и потомки скифских, точнее, сакских племен, по-видимому из тех, которые в VII в. до н. э. через Албанию устремились в Армению и по дороге осели в плодородных долинах Куры: области Шакашен на правом ее берегу и Шаке — на левом в своей топонимике сохранили отзвук сакского происхождения из древних насельников.

Албаны, как говорилось выше, впервые появляются на исторической арене в составе ахеменидского войска во время битвы с Александром Македонским в 331 г. до н. э. К IV в. до н.э. по-видимому, завершилась племенная дифференциация внутри большого союза племен, носившего общее наименование “каспии”, о которых говорится у Геродота. В него входили, должно быть, многие прикаспийские племена, в том числе и албаны (у Геродота последние еще не фигурируют). Раскопки в Мингечауре говорят о культурной близости, существовавшей в V в. до н. э. (а может быть, и раньше) между каспиями-албанами, мидянами и персами; находимые здесь в ранних слоях памятники из обихода знати носят однородный характер (техника, стиль и сюжеты) с предметами мидийского и персидского происхождения: бронзовые перстни-печати, сосуды из камня и др. О культурных связях в этот период с соседними народами Закавказья, а также с Малой и Передней Азией свидетельствует своеобразная высокохудожественная керамика, по первому месту ее нахождения носящая название “Ялойлу-тапа”, находящаяся в грунтовых погребениях с сильно скорченными костяками в Алазанской и Автаранской долинах, а также в Мильской и Муганской степях; о местном производстве ее свидетельствует обжигательная гончарная печь, обнаруженная в Ялойлу-тапа. Большое количество древних гончарных печей выявлено также во время раскопок в Мингечауре, где установлены и другие виды захоронений, а именно кувшинные погребения и сырцовые гробницы, в которых найдены прекрасные глиняные сосуды своеобразной формы и декоровки.

После падения империи Ахеменидов Албания обрела, по-видимому, большую самостоятельность. При распределении сатрапий между преемниками Александра Албания не упоминается, но о сношениях с эллинистическим миром в этот период говорит клад македонских и селевкидских монет II в. до н. э., найденный около древнего Партава, а также находки в грунтовых могилах IV — III вв. до н. э. в Мингечауре.

Второй период в истории Албании, I в. до н. э. — III в. н. э., во внешнеполитическом отношении наполнен борьбой албанов, как и армян и иберов, за независимость сначала с Римом, начиная с конца I в. н. э. — с аланами и другими северокавказскими кочевниками, а во II — III вв. н. э. — с Парфией и сасанидским Ираном. К началу I в. н. э. должен был завершиться процесс объединения разноязычных албанских племен и сложения албанского

государства, иначе в первой половине I в. до н. э. греки и римляне не могли бы воспринимать Албанию как единое самостоятельное государство, а албаны не могли бы столь организованно бороться с римскими легионами Помпея и Антония (Тит Ливий, Страбон, Тацит, Плутарх, Светоний, Кассий Дион, Фронтин, Аппиан, Флор, Евтропий и др.).

Что касается общественного строя албанов в этот второй период, то, учитывая исторически обусловленную замедленность темпов его развития, можно лишь предположить (при полном отсутствии конкретных данных), что первобытнообщинные отношения пережиточно в это время сохранялись в виде сельских общин, что патриархальное рабство вследствие слабого развития экономики не могло перейти к тем формам рабовладельческих отношений, которые существовали в соседних странах Закавказья, а тем более в Малой Азии и Сирии. Принимая во внимание, что на албанском обществе не могло не отразиться то обстоятельство, что оно сложилось из ряда племенных союзов, продолжавших находиться на различном уровне общественного развития, возможно допустить сосуществование в это время ряда укладов: наряду с родо-племенными отношениями, с первобытнообщинным укладом мог существовать и общиннорабовладельческий (на землях царя и знати, на храмовых землях, а может быть, и в городах, куда тоже поступали военнопленные). Мог в это время складываться уже и феодальный уклад.

Вопрос о городах древней Албании — один из наименее изученных. Хотя для первых веков нашей эры мы располагаем перечнем населенных пунктов в 29 названий у Страбона, Плиния и Птолемея (πολεις...και κωμαι) отождествить их с определенными географическими пунктами весьма трудно. К тому же не могут считаться достоверными и приводимые греческими авторами местные названия, учитывая, что в греческом нет шипящих и гортанных звуков, которыми богаты кавказские языки. Вполне достоверно лишь отождествление города Кабалака (в I в. н. э. он являлся, по Плинию, “первенствующим городом Албании”) с развалинами около селения Чухур-Кабала в Куткашенском районе Азербайджана, где высятся остатки мощных крепостных стен разновременной кладки.

Более чем слабо освещен в письменных источниках вопрос о религиозных верованиях и культах албанов в дохристианский период. Известно только, что существовал культ трех главных

божеств — Арамазда, Михра и Анахиты (Селены — у Страбона). В Албании, как и в соседних странах Закавказья и Малой Азии, существовали храмовые земли и иеродулы, как об этом говорится у Страбона; при храмах существовали, по-видимому, оракулы и свершались своеобразные культовые обряды. В этот, второй период материальная культура албанов носит характер, несколько отличный от того, что нам известно по Армении и Иберии. Многочисленные кувшинные погребения, характерные для равнинных районов Албании, выявили большой и интереснейший материал с точки зрения технологии, типологии, стиля, функционального назначения и семантики. Носителями этой культуры являлось, по-видимому, ведущее племя — гаргары-албаны.

Наряду с кувшинными погребениями в этот период продолжают существовать и захоронения типа “Ялойлу-тапа” (о которых речь была выше); носителями этой своеобразной культуры являлись, очевидно, утии, или удины, одно из двух ведущих албанских племен. Существуют в это время и катакомбные погребения, принадлежавшие либо другой этнической группе, либо, что вернее, иной социальной, более имущей среде, более затронутой эллинистическо-римской культурой, судя по находимым в погребальном инвентаре сосудам типа греческих энохой, стеклянным (сирийским?) флаконам и римским бронзовым фибулам с мозаичной инкрустацией. Совершенно уникальным для территории Закавказья завезенным сюда памятником искусства является античное (малоазийское?) серебряное блюдо II в. н. э. с рельефным изображением Нереиды, плывущей по морю на гиппокампе в окружении тритонов и эротов (Эрмитаж).

Последующий период истории Албании — IV — VII вв. — освещается преимущественно армянскими историками (Фавст Бузанд, Елише, Моисей Хоренаци, Корюн, Лазар Парбеци и Себесос), в большинстве современниками описываемых ими событий. Повествуют они о распространении в Албании в IV в. христианства, о появлении албанского алфавита и письменности в V в., о сасанидской экспансии в страны Закавказья и особо подчеркивают ту большую сплоченность, которая объединяла в эти тревожные века албанов, армян и грузин в их общей борьбе за независимость. Отдельные отрывочные данные имеются и в грузинских и в сирийских источниках, а также у арабских географов.

Наиболее ценным источником является “История албанов” Моисея Каланкатваца, по-видимому, албана по происхождению,

труд которого дошел до нас на армянском языке; он написал в VII в. две первые книги этой хроники, третья же принадлежит перу другого автора, жившего в X в.

Феодальные отношения, к IV в. принявшие уже довольно определенные формы, признание христианства государственной религией при сопротивлении внедрению его широких кругов населения — все это определяло характер взаимоотношений между странами Закавказья и их мощными соседями, христианской Византией и зороастрийским Ираном. В процесс борьбы между этими двумя империями неизбежно втягивались и Иберия (Картли), и Армения, и Албания.

Начавшиеся еще в IV в. при Шапуре II завоевательные походы Ирана против стран Закавказья в значительной степени сказались и на Албании. В V в. произошло несколько последовательных совместных восстаний армян, иберов и албанов против персидской экспансии, в ходе которых албанский царь Ваче II отрекся от престола, после чего Албанией управляли персидские марзпаны. Маздакитское восстание, начавшееся в Иране в конце V в., отразилось в значительной мере и на жизни албанов и их соседей; социальные явления в жизни Византии под оболочкой религиозных разногласий между монофиситами и халкедонитами проникали и в Албанию. В этот же период усиливается процесс борьбы то с одним, то с другим северокавказским народом; исключительно тяжелой была борьба с хозарами, особенно в первой половине VII в., когда Албанию наводнили хозарские сборщики податей, взимавшие налоги не только с земледельцев, но и с ремесленников и торговцев. В середине VII в. истощенную неравной борьбой Албанию постигло нашествие арабов; продолжала беспокоить ее и Византия. В этот период выдвинулся феодальный владетель области Гардман (Казахский район) Джываншер (из рода Михранидов), о котором албанский историк говорит, как о бесстрашном воине, тонком дипломате, умевшем ладить с арабами, и восстановителе разоренного войнами хозяйства Албании. Но при его преемниках арабы продолжали свою экспансию, и в 30-х годах VIII в. Албания была окончательно ими завоевана, как и другие страны Закавказья.

В этот период феодальный строй, существовавший в Албании наряду с неизжитыми еще первобытнообщинными отношениями в отдаленных горных районах, отличался от общественных отношений в Армении и Грузии, по-видимому, специфическими

особенностями, вызванными как этнической и экономической раздробленностью, так и географической отдаленностью от основных культурных центров и торговых путей, соединявших Переднюю Азию с западным миром.

До V в. главным городом продолжала оставаться Кабалака, или Кабала, затем столица была перенесена в Партав (Евлахский район).

О характере древнеалбанского языка, о его лексике и грамматике мы ничего не знаем, кроме немногих личных имен и топонимических названий, сохранных у Плиния, Птолемея и Плутарха, но в греческой и латинской их передаче. В V в. Месроп Маштоц (как сообщает Корюн) дал письма для гаргарского языка, богатого гортанными звуками, “грубого, в высшей степени нескладного”. Гаргарский язык являлся одним из наречий албанского языка, языком одного из главных племен, обитавшего на территории нынешнего Карабаха. В связи с тем что выше говорилось о племени утии-удины, следует отметить, что в живом удинском языке, богатом гортанными звуками, сохранились две разновидности всех шипящих звуков, что подтверждает как местную устную традицию об отождествлении удинов с албанами, так и соответственные научные предположения (Карганов в 1844 г., Шанидзе в 1938 г.). К албанскому языку, по-видимому, восходит и своеобразный язык жителей аула Кубачи в горном Дагестане, в самоназвании которых сохранился термин “албан” в местном его произношении (Фрэн в 1838 г., Эркерт в 1887 г., Орбели в 1938 г., Шиллинг в 1949 г.). Что касается албанского алфавита, то он был обнаружен в составе ряда других алфавитов в армянской рукописи XV в., хранящейся в Матенадаране в Ереване, и в армянской рукописи XVI в., находящейся в собрании Курдьяна (Канзас, США). Этот алфавит отличается большим количеством буквенных знаков (52) и особенно богат свистящими и шипящими звуками (Шанидзе, 1938 г.). Наука пока не располагает ни одним связным текстом, кроме надписи на камне с рельефным изображением павлинов по сторонам дерева, найденном в базилике Мингечаура и датированном VI — VII вв. (надпись еще не прочитана). Не исключена возможность, что в Албании, как и в Армении и Грузии, до изобретения месроповского алфавита пользовались алфавитом арамейским; среди находок в Мингечауре имеется черепок, на котором нацарапаны несколько букв, по-видимому, арамейского (?) письма.

На территории Албании найдены латинская и греческая надписи. Латинская надпись, обнаруженная в 1948 г. у горы Беюкдаш в Кабристане, в 4 км от Каспия, высеченная при императоре Домициане (81 — 96 гг.), носит строительный характер (упоминается XII легион фульмината). Греческая надпись была обнаружена в 1902 г. в развалинах бани около селения Беюк-дегне (в Нухинском районе); она носит посвяtitельный характер и высечена во II в. н. э., очевидно, местным мастером.

На северных стенах Дербента сохранились пехлевийские надписи, носящие строительный характер и высеченные в VI в. от имени персидского “амаркара Атурпатакана”, носившего имя Барзниш (?).

В отношении религиозных верований Албания в IV — VII вв. представляла большую пестроту: существовали и христианство, воспринятое в первую очередь знатью и насильственно насаждаемое с IV в., и зороастризм, насильно вводимый сасанидами с половины V в., и различные секты христианского и зороастрийского толка, и религиозно окрашенное социальное учение маздакидов, с конца V в., и, наконец, с VII в. воинствующий ислам. В толще народных масс в то же время продолжали жить местные древние религиозные представления, связанные с поклонением силам природы. У Моисея Каланкатваца приводятся канонические постановления, принятые в конце V в. при царе Вачагане III на соборе в Алуэне (около Партава), из которых видно, что в этот период обострились противоречия между “мирянами и епископами, азами и простолюдинами”, а также усилилась борьба с древними языческими верованиями и обычаями, от которых население не желало отказываться.

В VII в. при дворе Джываншера высокого уровня достигла не только материальная, но и духовная культура. По его поручению Моисей Каланкатваца пишет историю Албании, при его дворе пребывают представители известной сунийской философской школы; архитекторы воздвигают дворцы и храмы; придворный поэт Давдак воспевает деяния Джываншера.

К культуре Албании этого времени должна быть отнесена хорошо известная группа бронзовых сосудов (блюда, кувшины, водолеи, курильницы), происходящих из Дагестана (главным образом из аула Кубачи) и до последнего времени, по сходству форм и декорировки относимых к кругу памятников сасанидской торевтики. Раскопки в Мингечауре, выявившие, между прочим, своеоб-

разные глиняные водолеи в виде птиц и козлов, сходные с упомянутыми бронзовыми сосудами из Дагестана, вызвали постановку вопроса о принадлежности этой группы бронзовых сосудов к культуре албанского народа, гончары которого изготовляли их из глины на рубеже нашей эры; торевты продолжали в бронзе создавать сосуды той же традиционной формы и в VI — VII вв., а несколько веков спустя такие же водолеи изготовлялись из фаянса, покрытого поливой (Орен-кала). Ряд других сюжетов роднит так называемые дагестанские бронзовые сосуды с памятниками Мингечаура: птицы по сторонам священного дерева на бронзовом кувшине и на упомянутом каменном рельефе (капитель?) из базилики в Мингечауре и др. Не исключена возможность отнесения к искусству Албании VII в. бронзовой статуэтки всадника “сасанидского типа” (Эрмитаж), учитывая совпадения в деталях его одеяния, вооружения и убранства с соответственным описанием Джываншера у албанского историка.

Не будь памятников материальной культуры, одни только письменные источники не помогли бы подойти к воссозданию уровня культуры Албании, не указали бы на живучесть в ней местных традиций, не позволили бы наметить три этапа в ее развитии. Первый из них (IV — II вв. до н. э.) охватывает период до сложения албанской государственности; характерной для этого времени является общность культурных явлений у албанских племен и у народов Закавказья, а также Передней и Малой Азии.

В следующий период (II — I вв. до н. э. и до III в. н. э.) завершается процесс объединения разноязычных племен и сложения албанского государства; в этот период сказывается расцвет местной культуры и наблюдается воздействие культуры эллинистическо-римской.

В третий период (IV — VII вв.) усиливается культурное сближение феодальной Албании с соседними народами Закавказья на почве общей борьбы с внешним врагом; этот период отмечен общностью материальной культуры народов Албании, Армении и Иберии, а также Северного Кавказа и Ирана.